

³ См.: Биндер М.А. Конституционные основы национально-государственного устройства СССР. Алма-Ата, 1984. С.64.

⁴ Лепешкин А.И. Курс советского государственного права. М., 1961. Т.1. С.252–253.

⁵ Он же. Советский федерализм. М., 1977. С. 254.

⁶ Матусевич А.В. Политическая система. Состояние и развитие. Мн., 1992. Т.1. С.112.

⁷ Вихарев С.Р. В.И. Ленин о суверенитете союзных республик. Мн., 1969. С.56.

⁸ Садыков М.Б. Единство интернациональных и национальных интересов в Советском многонациональном государстве. Казань, 1975. С.45–46.

В.Н.САТОЛИН

БРАК И СЕМЬЯ У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Первым известным документом, в котором упоминаются брачно-семейные обычаи восточных славян, является "Повесть временных лет". Древний летописец, говоря о полянах, древлянах, вятичах, радимичах и северянах, указывает на существование у них следующих форм бракосочетания: 1) приведение невесты в жилище жениха ("привожаху вечерь"); 2) похищение в собственном смысле этого слова ("умыкиваху у воды девица"); 3) похищение или увод по предварительному сговору ("и ту умыкаху жены собе, с нею же кто съ вещаешя").¹

Приведение как форма брака, судя по летописи, первоначально была известна только полянам. Суть этой формы заключалась в "приведении" невесты к жениху, причем вместе с невестой приносили в жилище жениха и приданое.² Можно полагать, что происхождение этой формы брака у полян не чуждо христианского влияния, так как поляне гораздо раньше других восточных славян познакомились с христианством.³

Что же касается непосредственных предков белорусов, то у них, по мнению Н.М.Никольского, наиболее часто бракосочетание совершалось либо путем похищения, либо в форме купли-продажи невесты. Установить с полной определенностью, какая из этих форм древнее, нельзя, хотя в литературе предпочтение отдается точке зрения, согласно которой похищение было первой формой бракосочетания, а покупка – последующей.⁴

Существование браков у восточных славян с использованием похищения невест подтверждается не только древней летописью, но и более поздними свидетельствами. Так, А.Терещенко писал в середине прошлого века о белорусских свадебных обрядах: "Между некоторыми расколами брак не считался действительным, доколе жених не похитил девушку с ее согласия. Такое обыкновение было в употреблении еще недавно в некоторых уездах Витебской губернии: Динабургском, Режицком, Люценском и проч. между раскольниками".⁵

На существование у некоторой части белорусов вплоть до конца XIXв. обряда похищения невест как пережитка, запрещенного церковью, указывает и Н.М. Никольский.⁶

Этнографические данные убеждают, что похищение, "умыкание" не было основным способом заключения браков у наших предков.⁷ Уже в языческую эпоху у них преобладало заключение брака в форме "купи-продажи". Суть этой формы бракосочетания заключалась в передаче (за соответствующую плату) молодой женщины из-под власти родителей или родственников под власть будущего мужа. Процесс бракосочетания четко подразделялся на два действия: 1) "сватовство", т.е. осмотр невесты посторонними лицами и 2) "рукобитие" – заключение "сделки" сторонами, в качестве которых выступали родители жениха или сам жених и родители невесты. Содержание покупки составлял устный договор о величине выкупа и о сроках совершения брака. Плата за невесту была и реальной, которую обычно получал отец невесты, и обрядовой ("выкуп"), которая передавалась либо брату невесты, либо ее подругам, но и обрядовая форма лишь маскировала реальную продажу. С течением времени плата за невесту утрачивает истинное значение и превращается в символический обряд.

В языческую эпоху в семейной жизни восточных славян имело место многоженство. Это подтверждает и летопись: "И Радимичи, и Вятичи, и Север... имяху по две и по три жены..."⁸ Правовое положение всех жен в семье было, по-видимому, одинаковым. Дети от разных жен также пользовались одинаковыми правами, прежде всего в наследовании отцовского имущества.

Известно также, что некоторые, наиболее знатные и могущественные выходцы из славянских племен, кроме жен, имели еще и наложниц. Особенно много наложниц было у князя Владимира: "Бе же Володимир побежден похотью женскою, быша ему водимая: Рогнедь... от Грекине... от Чехине... а от другое... а от Болгарыни... а наложниц бе у него 300 в Вышгороде, а 300 в Белгороде, а 200 на Берестове в сельци, еже зовут ныне Берестовое", — указывалось в древней летописи.¹⁰

Сам факт бракосочетания у славян сопровождался различными сопутствующими обрядами. У полян, например, существовал обряд, по которому невеста в знак будущей покорности супругу должна была разуть жениха. Так, когда князь Владимир, плененный красотой Рогнеды, дочери полоцкого князя Рогволода, уже ранее "сговореной" за князя Ярополка, через послов попросил ее руки, она отвечала: "не хочу розути робичича" (не хочу разувать сына рабыни), потому что мать Владимира была ключницей княжны Ольги. Дядя его, Добрыня,¹¹ "понося надменность" Рогнеды, посоветовал взять ее силой и жениться.

Заканчивалось бракосочетание пиром, "с плясанием и гудением". Обязательная принадлежность брачных пиршеств, как, впрочем, и всех "игрищ", — скоморохи, гусли, трубы.

Выходя замуж при жизни отца, братьев, девушка получала от них приданое, величина которого зависела от достатка ее семьи.

После свадьбы молодая жена получала от мужа или от другого главы семьи, в которую она входила, выкуп, так называемое "вено", игравшее роль своеобразного материального обеспечения.¹²

При отсутствии прочной связи между мужем и женой, при наличии многоженства у славян в дохристианский период существовала ничем не ограниченная свобода развода: мужья попросту оставляли своих жен по односторонней своей воле.¹³ Каких-либо законных поводов и оснований для развода тогда не требовалось. Правда, не только мужья оставляли своих жен, но и жены покидали мужей.¹⁴

Отношения между супругами в индивидуальном браке первоначально строились в соответствии с принципом, по которому муж являлся владыкой жены, а жена — его рабой. По древнему обычаю, известному не только у славян, но и в Индии, Греции, у древних германцев, женщин, оставшихся после смерти мужей вдовами, умерщвляли, поскольку считалось, что жена должна была следовать за мужем-владыкой везде, даже на тот свет.

Вместе с тем исследователи отмечают любовь и привязанность славянских жен к своим мужьям, да и вообще супружескую верность славян во времена язычества. Добряков А., например, описывает случай, когда архиепископ Германии св. Бонифаций в письме английскому королю Альфреду, упрекал его в "порочной жизни", а в качестве примера приводил семейную жизнь славян. "У них муж и жена ревностно хранят взаимно супружескую любовь, что жена, по смерти своего мужа, отказывается жить, и та хвалится особенно, которая сама себя убивает, чтобы сгореть с мужем на одном костре".¹⁵

Принятие христианства, утверждение церковной организации существенно изменили сферу брачно-семейных отношений восточных славян и их правовое регулирование. Брачные союзы, заключавшиеся путем похищения или покупки невест, с точки зрения христианства были уже немыслимы. Церковь учила, что брак есть таинство, следовательно, установление божественное. Поэтому вводился новый, церковный порядок совершения бракосочетания, в соответствии с которым жених или его родители обращались к епархиальному архиерею с просьбой о совершении венчания предстоящего брака. После этого архиерей выдавал просителю специальный указ на имя соот-

ветствующего священника с предписанием ему совершить венчание, предварительно "обыскав", т.е. убедившись, нет ли каких-либо препятствий к заключению предполагаемого брака. Этот указ назывался венечной памятью и без него ни один священник не имел права венчать браки. За выдачу венечной памяти взималась пошлина, размер которой зависел от того, в который по счету брак вступали жених и невеста.¹⁶

Однако церковное оформление браков у восточных славян приживалось очень долго и трудно. По свидетельству митрополита Иоанна II (1080–1089), в XI веке церковные браки заключали лишь представители высших слоев общества – бояре и князья; простые люди по-прежнему обходились без благословения и венчания, они устраивали свадьбы с плясанием, гудением и плесканием.

Свадьбе предшествовала помолвка, сговор, закреплявшиеся трапезой у родителей невесты, где обязательными блюдами были пирог-каравай и сыр. Отказ жениха от брака после сговора считался позором для невесты и компенсировался денежной суммой, к которой церковная власть добавляла еще и штраф в свою пользу: "Если из-за девушки будет разрезан сыр, а потом сделают не так, за сыр гривну, а за оскорбление ей 3 гривны, а что потеряно, то ей заплатить, а митрополиту 6 гривен", – читаем в ст.32 Устава князя Ярослава.

Вступив в посредничество при заключении браков, церковь установила ряд условий для признания брачного союза состоявшимся и законным. Священнослужителям запрещалось венчать браки между близкими родственниками. Право на брачный союз имели лишь их дети. Для лиц мужского пола устанавливался брачный возраст с 15 лет, для женщин – с 13–14 лет. Однако эти нормы не всегда соблюдались.

Служители церкви запрещали браки христиан с иноверцами, а также с некрещеными местными жителями. Запрещалось многоженство и ограничивалось количество последовательно заключенных браков. Согласно существовавшим тогда канонам, можно было заключать не более двух браков; даже смерть одного из супругов во втором браке не давала права оставшемуся в живых вступать в третий брак. Языковых и государственных различий брачное право раннего средневековья не учитывало.¹⁷

Принятие христианства и последовавшие в связи с этим изменения в регламентации брачно-семейных отношений самым тесным образом касались и института развода. В церковном уставе Владимира, в Уставной грамоте Смоленского князя Ростислава Мстиславовича к юрисдикции церкви отнесены "ропусы", т.е. разводы, однако не названы конкретные причины расторжения брака, как это было сделано в греческом Номоканоне. "Молчание об этом нашего первого церковного устава и уставных грамот, – отмечает Д.Дубакин, – совершенно естественно объясняется специальной целью и задачей устава и уставных грамот: определить только круг и границы церковного суда; причем руководящим кодексом при решении дел в границах, указанных церковным уставом и уставными грамотами Всеволода и Ростислава, все-таки оставался греческий Номоканон".¹⁸

В церковном уставе Ярослава, в его пространной редакции, уже указаны заимствованные преимущественно из Номоканона причины или основания для расторжения брака. Это: 1) не сообщение женой мужу о ставшем ей известным готовящемся посягательстве на власть и жизнь монарха; 2) прелюбодеяние жены, за которым ее застал муж или подтвержденное слухами; 3) покушение жены на убийство мужа или недонесение о готовящемся его убийстве; 4) общение жены с чужими людьми, в частности ночевка вне своего дома и без разрешения мужа, что может угрожать ее чести; 5) посещение женой без сопровождения мужа, днем или ночью, игрищ и несоблюдение соответствующего запрета, сделанного мужем; 6) участие в обворовании мужа или самостоятельное похищение его имущества или другое воровство, в частности из церкви (ст.53).

Не трудно заметить, что институт развода у восточных славян в правовом аспекте был неразрывно связан с виновностью одного из супругов (жены) в распадении брака. Это была санкция или кара за совершение определенного правонарушения, не всегда даже связанного с браком.

Церковный устав Ярослава, перечисляя причины, по которым муж мог развестись с женой, не содержит, однако, указаний, когда жене позволяется расторгнуть брак с мужем, вопреки даже тому, что в византийском законодательстве (Номоканон) права женщины и мужчины на вступление в брак и на развод были равными.¹⁹

Почему составители Устава Ярослава выделяют мужчину, односторонне наделяя его в отличие от женщины соответствующими правами, мы не знаем. Можно предположить, что главенствующее положение мужа в семье, которое он занимал в языческий период, с принятием христианства не могло сразу измениться. Потребовалось достаточно длительное время, чтобы преодолеть старые взгляды на правомочия супругов в семье, в том числе и бракоразводные.

С другой стороны, нельзя отвергать мысль о том, что невключение в церковный Устав Ярослава причин, при наличии которых жена могла расторгнуть брак с мужем, объясняется тем, что такие нормы имелись в греческом Номоканоне, а он, как известно, применялся в качестве одного из основных источников законодательства о браке и семье, действовавшего в то время.

Отсутствие единых норм, регулирующих порядок расторжения браков, было характерным для данного периода. Местные христианские обычаи существовали наряду с противоречивыми нормами переводных, заимствованных из Византии памятников права, и выбор тех или иных диктовался конкретными условиями, взглядами или знаниями местного иерарха или составителя правового свода.²⁰

Право решать внутрисемейные вопросы, касавшиеся отношений между мужем и женой, а также жены с окружавшим ее миром, как и право наказания за проступки, принадлежало мужу. Устав князя Ярослава определял мужчине наказание только в тех случаях, когда он оскорблял или бил чужую жену. Подобные же действия по отношению к собственной жене расценивались не как преступление, а как выполнение долга.

После принятия христианства под влиянием канонических предписаний и византийского законодательства личные и имущественные права жены в семье возрастают. Кроме прав "на признание в ней индивидуальности, личности, а не вещи, и полной неразрывной принадлежности мужа",²¹ она получает право на приданое, которое являлось ее личной собственностью, и некоторые права на общесемейное имущество. Женщины из привилегированных сословий — княжны, боярыни — становились собственницами сел, даже городов.

Уже тогда оформлялись обязанности супругов о взаимной поддержке. Ни муж, ни жена не имели права оставить друг друга, если один из них был тяжело болен: "Если будет у жены тяжелый недуг, или слепота, или долгая болезнь, то ее нельзя оставить. Также и жена не может оставить мужа", — гласят ст.ст.11 и 12 Устава Ярослава.²² Здесь, очевидно, речь идет не о формальном разводе, после которого супруг имел право вступить в новый брак, а лишь об оставлении супруга без помощи.

Молодая жена, входя в семью мужа, должна была уважительно и почтительно относиться к старшим членам этой семьи. Церковный устав Владимира квалифицирует неуважительное отношение снохи к свекрови как проступок, подлежащий духовному суду.

Родители по отношению к своим детям имели большие права и обязанности. В соответствии с Уставом Ярослава, они могли даже заставить свою дочь вступить в брак вопреки ее желанию, поскольку отвечали перед публичной властью за невыдачу дочерей замуж. Эта норма, неизвестная византийскому законодательству, отражала закрепление в церковном законодательстве древнего обычая восточно-славянского общества, согласно которому старшие члены семьи несли ответственность за обеспечение младших и устройство

их в жизни. Традиционное наследственное право материально не обеспечивало дочерей (в отличие от сыновей) после смерти родителей. В силу этого общинная организация, а с XI в. и церковь, обязывали родителей устраивать будущее дочерей и наказывать их за нарушение такой обязанности. Невыдача дочери замуж каралась штрафом в пользу митрополита: "Если девушка из великих бояр не выйдет замуж, родители платят митрополиту 5 гривен золота, а меньших бояр – гривна золота, а нарочитых людей – 12 гривен серебра, а простой челяди – гривна серебра."²³

Таковы были семейно-брачные отношения восточных славян в период раннего средневековья. Эти отношения, с одной стороны, регулировались старыми, не везде одинаковыми, но всюду авторитетными и уважаемыми обычаями, а, с другой, – ранее не известными, не всем доступными и поэтому с трудом приживавшимися нормами византийского законодательства. Несомненно, однако, что эти новые нормы (переработанные и приспособленные к местным условиям) оказали в целом благоприятное воздействие на брачно-семейные отношения и весь семейный уклад восточно-славянского общества. В дальнейшем влияние церкви и религиозных предписаний на брачно-семейные отношения будут усиливаться, а значение норм обычного права – ослабляться.

¹ Повесть временных лет: Материалы по практич. занятиям по истории СССР. М., 1979. С.18.

² Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995, С.406.

³ Дубакин Д. Н. Влияние христианства на семейный быт русского общества в период до времени появления "Домостроя". СПб., 1880. С.21.

⁴ Никольский Н. М. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. Мн., 1956. С.51.

⁵ Терещенко А. Быт русского народа. СПб., 1848, С.28.

⁶ Никольский Н. М. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. С.51.

⁷ См: Юркевич Н. Г. Заключение брака по советскому праву. Мн., 1965. С.24.

⁸ Неволин К. История российских гражданских законов. СПб, 1851. С.136.

⁹ Добряков А. Русская женщина в домонгольский период. СПб., 1864. С.27.

¹⁰ Цит. по: Неволин К. История российских гражданских законов. С.136.

¹¹ Терещенко А. Быт русского народа. С.35.

¹² Добряков А. Русская женщина в домонгольский период. С.24.

¹³ Владимирский-Буданов М. Ф. Черты семейного права западной России в половине XVI в.: Чтения в Киевск. Историч. Общ. Нестора-летописца. Киев, 1890. С.55.

¹⁴ Шпилевский С. Семейные власти у древних славян и германцев. Казань, 1869. С.40.

¹⁵ Добряков А. Русская женщина в домонгольский период. С.24.

¹⁶ Павлов А. С. Курс церковного права. М., 1902. С.370.

¹⁷ Шапов Я. Н. Брак и семья в Древней Руси // Вопр. истории. 1970. С.217.

¹⁸ Дубакин Д. Н. Влияние христианства на семейный быт русского общества... С.57.

¹⁹ Там же. С.59.

²⁰ Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси: XI–XIV вв. М., 1972. С.248.

²¹ Дубакин Д. Н. Влияние христианства на семейный быт русского общества... С.92.

²² Устав князя Ярослава о церковных судах // Российское законодательство X–XX веков: тексты и коммент. / Под общ. ред. О.И.Чистякова. М., 1984. Т.1: Законодательство Древней Руси. С.190.

²³ Шапов Я. Н. Брак и семья в Древней Руси С.218.